

Увидеть общую судьбу

В репертуаре Олега Погудина есть не только романсы

Вера Камша
Санкт-Петербург

За петербуржцем Олегом Погудиным уже прочно закрепился титул «серебряного голоса России», удивительно точно отражающий самую суть творчества певца. Погудина ценят и любят за уникальное сочетание прекрасного голоса, неподдельной искренности исполнения и безупречного вкуса. Обычно имя Олега Погудина связывают с классическим и городским русским романсом и русской народной песней.

Олег, ваше имя уже привычно ассоциируется с

русским романсом и народной песней, но в последнее время вы серьезно расширили репертуар и исполняете вещи на первый взгляд совершенно иного плана. Почему?

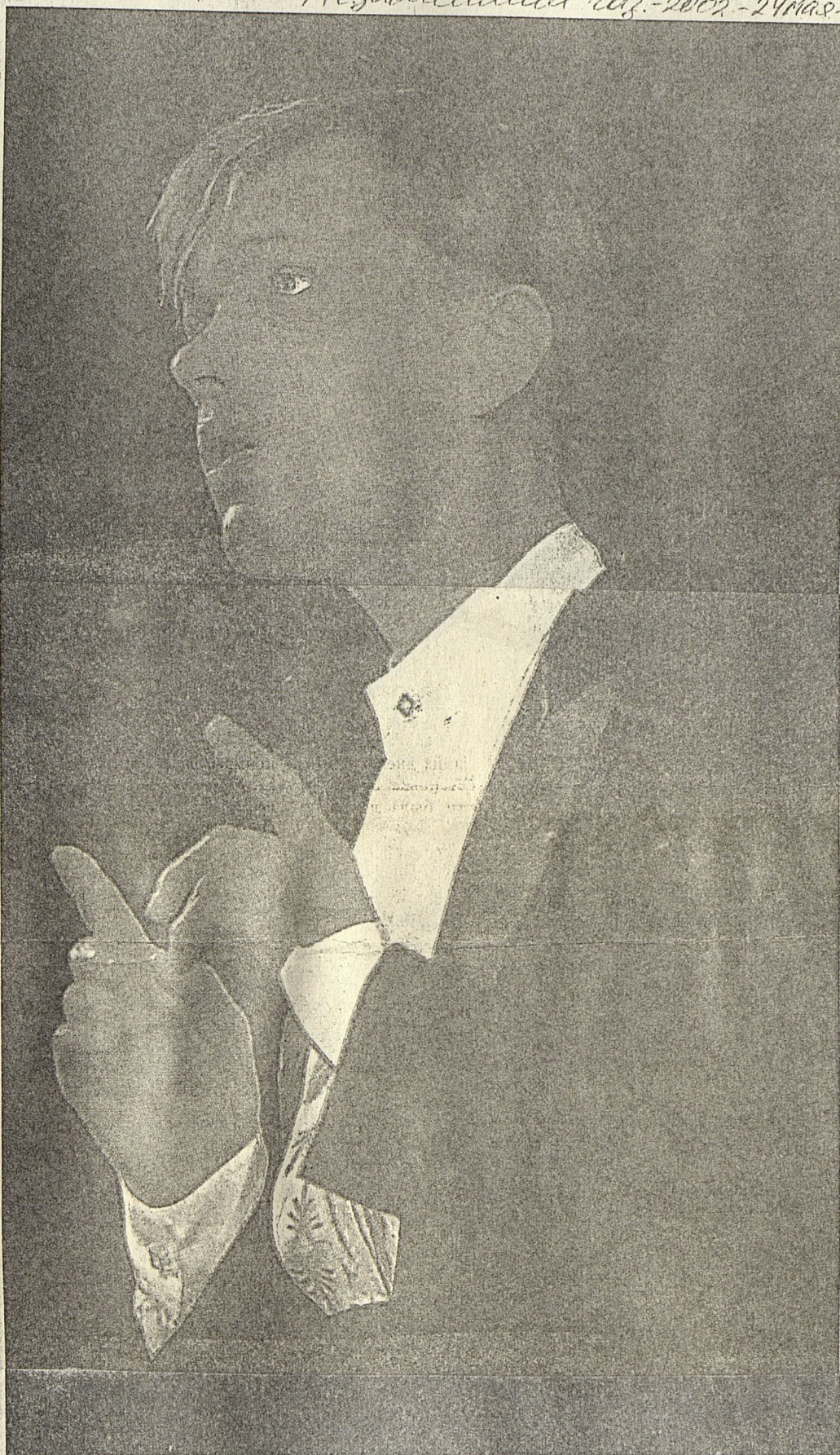
— Я никогда не называл себя исполнителем романсов. Более того, когда меня так называли в пору начала моей работы, я очень огорчался и настойчиво просил, чтобы меня так не объявляли.

— А как же вас объявлять?

— Когда меня просят назвать себя самому, я говорю певец. Лучше, точнее и разумнее этого определения ничего не придумать. Оно означает форму существования, мировоззрение, которое как раз и дает возможность успешно сочетать в своем репертуаре вещи на первый взгляд весьма далекие друг от друга, но на деле объединенные судьбой и переживаниями одного и того же лирического героя. А характер русского лирического героя, его суть не изменилась, несмотря на бурные события века минувшего. Даже самые страшные испытания не могут изменить глубинную суть человека.

Я не очень люблю об этом говорить, но какие бы ни вешали ярлыки, как бы ни меняли названия, какой бы страшной ни была эпоха, такие понятия, как добро, зло, отчизна, честь, достоинство, любовь, остаются неизменными, они оказываются выше сиюминутного, преходящего. Их ни декретами, ни даже пулями не отменить и не уничтожить. Понятное дело, что многое можно исковеркать и извратить, можно физически уничтожить человека, можно истребить тысячи людей, но заставить человечество в принципе забыть, что есть добро и зло, отказаться от того, что дорого каждому, невозможно.

— Олег, а вам не кажется, что в последние десять-пятнад-

Олег Погудин.

Фото Павла Корнеева

святынь находились люди, которые этому не поддавались. Их было не очень много, но тем более честь им и хвала. Слава богу, сейчас мы опомнились. Даже те, кто сознательно и целенаправленно разрушал, теперь вынуждены пытаться созидать.

Надеюсь, нам в ближайшем будущем такая беда, как национальная амнезия, потеря самоощущения, не грозит. Двадцатый век со всеми своими коллизиями, со всеми катастрофами снова и снова показывал, что человеку даже в самых жутких

могу с уверенностью сказать, что от Запада, с которым я, в общем-то, тоже знаком, мы отличаемся и отличаемся очень серьезно, а вот сходство друг с другом неоспоримо. Слово «братство» сейчас не в моде, но ведь от себя не убежишь. Мы даже внешне очень похожи, где бы ни жили — в Москве ли, в Минске ли, в Варшаве.

Принято говорить о русской душе, но, честно говоря, мне кажется, стоит говорить о душе славянской. Потому что широта мысли, широта чувства, не-

— У вас, наверное, существует какой-то принцип подбора репертуара?

— Я выбираю только те произведения, которые являются даже не рассказом о жизни, а самой жизнью лирического героя. В этом смысле можно говорить об эстрадной лирической песне, потому что душа этого героя, который существовал и в девятнадцатом веке и в двадцатом, в эпоху Советского Союза, в его границах и за рубежом, проявлялась именно в лирике. Поэтому можно успешно объединить в одном концерте самые разные жанры и произведения. Это, кстати говоря, мы сделали в программе, которую назвали «Романс ушедшему веку». Единственной (и то достаточно условной) границей была принадлежность исполняемых произведений двадцатому столетию. В эти рамки вмещается и русский городской романс, и французский шансон, и советская песня, и произведения Вертинского, Окуджавы, Высоцкого. В них можно услышать одно дыхание, увидеть общую судьбу. Разорвать их связь невозможно, хотя лет десять назад и развилась некая отвратительная тенденция, направленная на то, чтобы разорвать то, что, собственно говоря, и делает всех нас единым целым.

— Расскажите, если можно, как вы начали исполнять про-

изведения духовного содержания?

— Все пришло само собой. Русский романс, как и вся русская культура, насквозь религиозен. Романс и лирическая песня всегда о любви, а ведь Бог и есть любовь. И если человек верит в Бога, то его человеческая любовь — отражение любви Божьей. Да и всякий талант — дар от Бога (а я пытаюсь исполнять только талантливые произведения). И талантливый человек призван слышать Бога и слушаться Его.

Творчество обязано быть моральным, то есть необходимо пытаться различать, что хорошо, что плохо и что от горнего, а что от нижнего. И художник, артист обязан обуздывать свои амбиции и служить горнему порой за счет самореализации, то есть не позволять своему таланту такое обслуживание сулит почести, богатство.

Увы, это очень непросто, иногда мучительно трудно. Знаю все это по себе и свидетельствую, что служение артиста трудное. А порой оно просто подвиг. В том числе и подвиг миссионерский.

— Но это как-то с трудом соотносится с тем, что мы видим, к примеру, на эстраде.

— Увы, сегодняшняя эстрада, действительно за редким исключением проповедует вседозволенность, мне не хотелось бы много говорить на эту тему. — Тогда ответьте, как вы, работая в жанре, традиционно считающемся камерным, собираете и удерживаете многочисленные залы, не прибегая при этом к внешним эффектам, массивной рекламе и прочим, обычным для шоу-бизнеса приемам?

— Русский романс и песня могут звучать и в комнате, где его слушают пять-десять человек, и на стадионе, где находятся десять тысяч. Если точно угадать, точно совпасть с внутренней поэзией жанра, если это ощущение передать тем, кто тебя слушает, то несколько тысяч человек вдруг начинают жить одним дыханием, возникает ощущение какой-то вселенской радости.

— Что для вас значат военные песни, которые звучат в ваших программах?

— Для меня они очень дороги не только в творческом, но и в личном плане. Оба мои деда воевали, да и родители так или иначе были связаны с армией.

Советская песенная лирика времен Второй мировой войны — это очень чистая, мощная струя в нашей культуре. Можно бесконечно спорить по поводу того, что происходило, как происходило, оправданны ли жертвы, где было предательство, где неоправданные поступки, какое было отношение власти к стране... Я не хочу об этом говорить. Потому что среди мрака боли, даже грязи — но и среди постоянного подвига — жили и любили люди, оставившие после себя в своих мыслях, песнях что-то очень чистое... Жажда чистой настоящей жизни, чистой настоящей любви, которая будет, не может не быть после Победы. Все эти чувства звучат, прорываются в песнях, заставляют понимать наших дедов и отцов.

Хочется, чтобы люди вспоминали почаще о том, что им досталось в наследство. Мы все-таки на земле не сами по себе. До нас жили люди, которые нам эту землю оставили, и после нас будут жить те, кому мы все оставим. Хочется, чтобы тебя вспоминали добрым словом.

Артист обязан обуздывать свои амбиции и не позволять своему таланту обслуживать зло

цать лет этого самого «дорогого и вечного» мы потеряли чуть ли не больше, чем в эпоху войн и революций?

— В известном смысле это так. Есть определение «Иван, не помнящий родства». Именно в таких иванов нас и пытались превратить в 90-е. По счастью, даже в период самого дикого разгула самоуничтожения, отказа от очевидных для каждого нормального человека, для каждой уважающей себя страны

ситуациях свойственно оставаться человеком, желать добра больше, чем зла, и желать жизни больше, чем смерти. А русская, славянская душа изначально добра и открыта красоте.

— Мы часто слышим словосочетания «русская душа», «русский характер», но разные люди вкладывают в них разные смысл.

— Я много ездил и езжу по России, знаю Украину, бывал в Белоруссии, Польше, Чехии и

нось, беззлобность, умение шадить другого присущи и полякам, и русским, и словакам, и сербам, равно как и незаносчивость, ненадменность, настоящая, искренняя радость и от жизни, и от того, что в этой жизни есть чему радоваться.

И я уверен, народы вновь потянутся друг к другу. Да это, собственно говоря, происходит уже сейчас.

Но мы, кажется, говорили о романсе и лирической песне?